

Вырезка из газеты

ВЕЧЕРНЯЯ ПЕРМЬ

- 5 ИЮН 1974

г. Пермь

ТРУБЫ СЕРЕВРИСТЫЕ ЗВУКИ

ПРЕОБЛАДАЮЩАЯ часть любителей симфонических концертов, в том числе и наиболее эрудированные люди считают, что труба до недавних пор использовалась в качестве фанфарно-сигнального оркестрового инструмента с ограниченными верхами и что только джазовая эра расширила ее диапазон.

Горячо и убедительно опровергает это заблуждение первый трубач Пермского академического оперного театра Георгий Иосифович Юдашкин, изучивший в совершенстве историю своего инструмента. Оказывается, как это ни странно, в семнадцатом веке трубачам писались предельно высокие по tessiture, технически сложные партии, которые можно улодобить вокальным партиям сопрано тех же лет, и что их тогда умудрялись безошибочно воспроизводить трубачи на обычных натуральных трубах с удлиненным мундштуком особого устройства. И сам инструмент и стиль письма для него именовались «кларинво».

Вскоре этот стиль был позабыт, и джаз, действительно, способствовал в известной мере росту вверх трубного диапазона, признает Георгий Иосифович, но тут же делает оговорку: «тем острым и узким звуком, каким пользуются джазовые верхолазы, я никогда не позволил бы себе играть «Болеро» Равеля, это было бы эклектично и даже кощунственно...».

Проблеме тембра своего любимого инструмента Юдашкин придает не встречающееся мне доселе бережное отношение. Сам артист пользуется трубой в строе «си-бемоль» и натрашепонирующей трубой в «до», но выбор того или другого инструмента никогда не бывает у него делом случая. Композитор, так считает артист, сам

слышал, а в столь феноменальных случаях, как это имело место у А. Н. Римского-Корсакова или А. Н. Скрябина, даже сам «видел» в красках нужный ему тембр; поэтому, если в партитуру произведений им введена труба в «до», то Георгий Иосифович только на ней и станет его играть, считая, что при той же звуковысотности инструмент прозвучит тембрально лучше.

Все это неспроста позволило главному дирижеру оперы Б. Афанасьеву, немало слышавшему на своем веку хороших трубачей, заявить, что Юдашкин владеет «сильным, красивым и выразительным звуком серебристого тембра, ровным на всем протяжении...». Замечание вполне справедливое и ничем не приукрашенное.

Исполнительский век, или, скажем попросту, оркестровый стаж первого трубача академической оперы сравнительно мал. В столетней истории театра Юдашкин — самый молодой лидер трубной группы: он еще не вышел из счастливого комсомольского возраста, ему двадцать пять лет. Чему же он обязан своим ведущим положением в оркестре: себе самому или везению?

Тут сыграло роль и то, и другое. Георгий фанатично влюблен в свой инструмент и предельно трудолюбив. Он занимался на трубе в консерваторские годы, да и после получения диплома — все свободное время.

Везло ему и на педагогов, и на дирижеров. Учебу в Ленинградской консерватории имени

А. Н. Римского-Корсакова начал Георгий у М. С. Ветрова и закончил ее у В. А. Малкова. Дирижерами, с которыми довелось заниматься Георгию в студийно-консерваторские годы, были Н. Рабинович, К. Симеонов, Ю. Темирканов, М. Янсонс.

В наш театр Юдашкин был зачислен на производственную практику студентом пятого курса. Он полностью оправдал ожидания, возлагавшиеся на него главным дирижером, в результате чего Министерство культуры РСФСР закрепило артиста за пермской оперой. В чем заключались ожидания

главного дирижера, догадаться нетрудно, это — быстрый «ввод» в театральный репертуар, безошибочная чётка с листа, безукоризненное чувство ансамбля, интонационная чистота, точное прочтение авторского текста в манере эпохи исполняемой музыки, чуткое ощущение места дирижера и, наконец, гибкость во владении штрихами и звуком.

Трубные эпизоды в «Лозингине», «Щелкунчике», «Чудесном мандарине», «Пульчинелле» и «Спартаке», несомненно, запомнились тем пермским слушателям, которым довелось побывать на этих спектаклях, когда за первым пультом сидел Георгий Юдашкин.

Везение не отвернулось от Георгия и в период прохожде-

ния им воинской службы. Военный дирижер Пермского гарнизона В. Лицман создал для старшины Юдашкина все необходимые условия, при которых он мог радовать своим искусством солдатскую аудиторию и продолжать расти сам как музыкант.

Пермь изрядно пополнила список дирижеров, которые оказывали то или иное воздействие на трубача. Не будет ошибочным утверждение, что сильнее всех воздействует на музыкантов тот дирижер, который работает с ними постоянно. На мой вопрос, не по этой ли причине теплее всего отзывался Юдашкин о втором дирижере театра О. Белунцове, он ответил — «...отчасти поэтому, но более всего потому, что он мне напоминает Н. Рабиновича: дирижировать он может по-разному, то лучше, то хуже, но у него всегда есть чему поучиться».

Весьма общительный по своему характеру, Георгий Юдашкин не мог не завязать дружеских контактов внутри оркестра, а отсюда один шаг до наиболее демократической формы музицирования — добровольной игры в камерном ансамбле, в данном случае в духовом квартете. Вместе с К. Васплюком (труба), Е. Дикопольским и Ю. Гусевым (тромбон) не один час досуга посвятил Юдашкин ансамблевому исполнению старинной и современной музыки. Он утверждает, что любовь к ансамблю была привита ему еще в Ленинграде Б. И. Анисимовым. Уживчивый с товарищами, но и

очень требовательный к ним, он дает им очень своеобразные оценки, не всегда совпадающие с театральной котировкой. По этому своеобразному «гамбургскому счету» на первые места в списке талантливых и музыкально одаренных у него выходят Ю. Крымштейн и П. Федунков (валторны), П. Качкин (виолончель) и уже названный Е. Дикопольский.

Юдашкин — оркестровый музыкант, солист-концертант и ансамблист; Юдашкин, играющий Гайдна, Хиндемита и Хачатуряна... Не порождает ли это у читателя впечатления некоей «всеядности»?

Менее всего хотелось бы мне вызвать подобное впечатление, ибо оно противоречило бы характеру его дарования — цельного и вполне индивидуального.

Если у артиста еще не совсем определилась присущая ему сфера наибольшего музыкального притяжения, то в этом повинна... его молодость. Как в только что начатой сонате, так и в его жизни, все кульминации впереди! А с годами они несомненно придут — порукой тому верно начатый путь в искусстве, талант и трудолюбие.

Г. ТЕРПИЛОВСКИЙ,
композитор.

ОТ РЕДАКЦИИ. Когда статья сдавалась в набор, пришло известие, что Г. Юдашкин по конкурсу принят солистом в заслуженный коллектив академического симфонического оркестра Ленинградской филармонии, но не покинет пермскую оперу до конца ее гастролей в Тюмени.